

УДК [324+329](47+57)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.41>

Стабильность партийных систем в регионах России: опыт статистического анализа

С. А. Шпагин*

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. Оценивается уровень стабильности региональных партийных систем в России. Эмпирической основой исследования послужили данные о результатах выборов в законодательные собрания субъектов Российской Федерации в период 2017–2021 гг. В качестве ведущего инструмента количественного анализа используется индекс электоральной волатильности М. Педерсена, а также его современные модификации – индексы межэлекторальной и общей волатильности. Обосновывается вывод о неоднородности партийных систем в регионах России, предлагается типология регионов по уровню стабильности партийной системы (высокостабильные, относительно стабильные, относительно нестабильные, нестабильные).

Ключевые слова: выборы, законодательное собрание, волатильность, партийная система, регионы России.

Для цитирования: Шпагин С. А. Стабильность партийных систем в регионах России: опыт статистического анализа // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 41–47. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.41>

Original article

Stability of Party Systems in the Regions of Russia: Statistical Analysis Experience

S. A. Shpagin*

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. The article assesses the level of stability of regional party systems in Russia. The empirical basis of the study was data on the results of elections to regional legislative assemblies of the Russian Federation in the period 2017–2021. The electoral volatility index of M. Pedersen is used as the main tool for quantitative analysis, as well as its modern modifications – indices of inter-electoral and total volatility. The conclusion on the diversity of party systems in the regions of Russia is justified, a typology of the regions on the level of stability of the party system is proposed.

Keywords: elections, legislative assemblies, total volatility, party system, regions of Russia.

For citation: Shpagin S.A. Stability of Party Systems in the Regions of Russia: Statistical Analysis Experience. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 40, pp. 41–47. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.41> (in Russian)

Современные исследования политических партий и партийной системы в России охватывают широкий круг аспектов. Среди них и история формирования партийной системы, и процесс ее институционализации, и функциональный анализ деятельности партий, и реформы партийного законодательства, и моделирование электоральных и политических размежеваний, и парламентская деятельность партий. При этом большинство таких исследований строится на изучении общенационального уровня партийной системы. Вместе с тем изучение политических партий в федеративных государствах предполагает анализ их состояния и тенденций развития не только на общенациональном уровне, но и в регионах. Такие исследования российских партий тоже есть, но пока они относительно немногочисленны [1; 3; 5] или связаны с изучением отдельных регионов [2; 4; 7].

Наряду с такими аспектами, как количество региональных отделений партий, уровень активности их участия в выборах органов власти или степень конкурентности этих выборов, имеет значение и уровень устойчивости региональной партийной системы. В сравнительной политологии этот показатель обычно измеряется при помощи индекса электоральной волатильности М. Педерсена. Он представляет собой полусумму абсолютных величин разностей результатов в процентах всех партий, продемонстрированных на текущих и прошлых выборах [8]. Однако этот показатель учитывает только изменения уровня поддержки относительно стабильных партий, регулярно участвующих в выборах, что удобно для стабильных партийных систем, но недостаточно для новых и нестабильных, где создания, слияния, расколы и ликвидации происходят довольно часто.

Поэтому в последнее время все большее распространение в политологических исследованиях получила модифицированная версия этого показателя – индекс общей волатильности [6; 9]. Он добавляет к индексу М. Педерсена индекс межэлекторальной волатильности, вычисляется суммированием процентов голосов всех партий, участвовавших в прошлых выборах, но прекративших свое существование с момента их проведения, с процентами голосов, поданных за партии, вновь появившиеся между выборами. Тем самым новый индекс учитывает не только колебания в уровнях поддержки одних и тех же партий, но также появление и исчезновение партий в промежутках между выборами. Страны/регионы, где значение индекса общей волатильности оказывается менее 10 %, могут быть названы высокостабильными, при значении от 10 до 20 % – относительно стабильными, от 20 до 30 % – относительно нестабильными, а при значении выше 30 % – нестабильными.

Чтобы понять, как работает этот механизм оценки устойчивости партийной системы, рассмотрим его на примере выборов в российскую Государственную Думу. Для этого обратимся к данным ЦИК России¹ и рассчитаем значения индексов электоральной, межэлекторальной и общей волатильности для думских выборов 1995–2021 гг. (рис.).

¹ Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/ (дата обращения: 18.03.2022).

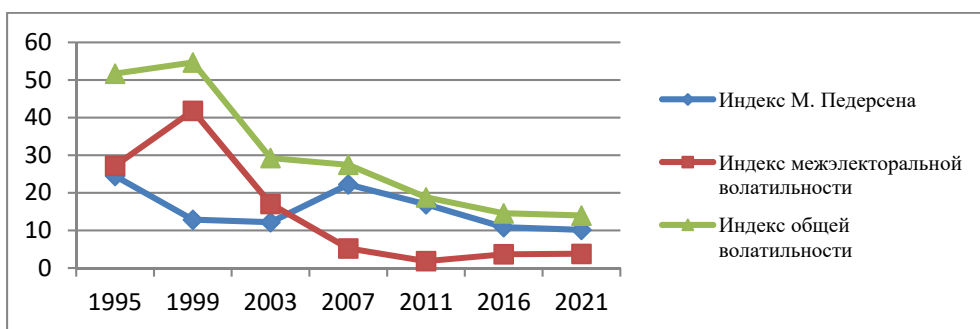

Рис. Динамика индексов волатильности на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации с 1995 по 2021 г.

Показатели межэлекторальной и общей волатильности были очень высокими на протяжении 1990-х гг., но затем довольно резко снижаются. С 2007 г. электоральная волатильность постоянно выше межэлекторальной, что свидетельствует о стабилизации партийной системы. Таким образом, приблизительно до 2003 г. партийная система России являлась нестабильной, с 2003 г. примерно до 2011 г. – относительно нестабильной, а с 2011 г. – относительно стабильной.

Насколько стабильны региональные партийные системы? Наиболее адекватный источник информации для ответа на этот вопрос – результаты выборов в региональные парламенты. Расчет средних значений индексов волатильности для результатов выборов в законодательные собрания российских регионов в 2017–2021 гг. был сделан по данным ЦИК России² (табл.).

Таблица

Динамика уровней волатильности на выборах в законодательные собрания субъектов Российской Федерации в 2017–2021 гг.

Год проведения выборов	Средний уровень волатильности		
	электоральной	межэлекторальной	общей
2017	9,5	5	14,5
2018	17,6	4,8	22,3
2019	18,1	3,4	21,4
2020	10,7	6,9	17,6
2021	11,2	5,8	17

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что на выборах 2017 г. уровень волатильности был низким во всех шести регионах, где проводились соответствующие выборы. Исключением стала только Северная Осетия, где «Единая Россия» сумела отобрать часть голосов у «Патриотов России» и тем самым восстановить свои позиции, подорванные на неудачных для нее выборах 2012 г., поэтому значение индекса там достигло 22,2 %. На противоположном полюсе расположилась электорально управляемая Пензенская область, где общая волатильность составила всего 7,3 %.

² Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 16.03.2022).

Ситуация резко изменилась на выборах 2018 г. К этому времени возмущения избирателей инициированной властями пенсионной реформой достиг своего максимума и выразился в резком сокращении числа голосов, поданных за «Единую Россию». Другим фактором дестабилизации партийных систем в регионах стало постепенное сокращение количества партий, многие из которых ранее участвовали в региональных выборах. К этому времени процесс создания новых партий, стартовавший после партийной реформы 2012 г., почти прекратился и началась отмена регистрации партий, не принимавших активного участия в избирательных кампаниях. В результате потеря голосов «партией власти» сказалась главным образом на результатах других парламентских партий и относительно стабильной группы непарламентских («Коммунисты России», «Партия пенсионеров», «Патриоты России» и т. д.). В этом отношении довольно характерен пример Ульяновской области, где электоральные потери «Единой России» почти полностью достались КПРФ. В результате электоральная волатильность поднялась до самого высокого в 2018 г. значения – 30,1 %, но межэлекторальная составила лишь 2,5 %.

Самые экстремальные показатели неустойчивости региональных партийных систем за весь электоральный цикл были зафиксированы в 2019 г. «Опрокидывающие выборы» в Хабаровском крае, на которых ЛДПР при поддержке администрации губернатора С. Фургала одержала победу над «Единой Россией», были отмечены рекордно высокими уровнями электоральной и общей волатильности – 47,3 и 49 %. Отметим, что близкие значения волатильности в том же году были и в Севастополе – 40,7 и 43,2 % соответственно. Судя по падению показателей «Единой России», там прошли своеобразные «выборы разочарования» после первой пятилетки пребывания Крыма в составе России. Но одновременно в Кабардино-Балкарии все показатели волатильности были рекордно низкими: электоральная волатильность составила 1,5 %, а общая – 2,6 %. Недалеко ушли от нее значения индексов в других так называемых электоральных султанатах – Карачаево-Черкесии и Тыве. Поэтому среднее значение общей волатильности оказалось даже чуть ниже, чем в 2018 г. Впрочем, если бы выборы в Мосгордуму проводились бы по смешанной, а не мажоритарной системе, этот показатель был бы заметно выше. Достаточно заметить, что формально кандидатов от «Единой России» на этих выборах не было совсем.

Участие в выборах 2020 г. четырех новых партий («Новые люди», «Зеленая альтернатива», «За правду» и «Партия прямой демократии») сразу сказалось на значениях индексов. Средний уровень электоральной волатильности ощутимо снизился, хотя в Республике Коми он составил 24,8 %. Зато в Костромской, Новосибирской и Рязанской областях уровень межэлекторальной волатильности превысил 10 %, чего в предыдущие годы не было ни разу. Существенно вырос этот показатель в Калужской, Челябинской областях и Республике Коми. Причем в Новосибирской и Челябинской областях уровень межэлекторальной волатильности превысил уровень электоральной. Во всех названных регионах новые партии участвовали в выборах и добились заметных результатов. Зато самый низкий уровень межэлекторальной волатильности – 1,4 % – в Курганской области, которую новые партии проигнорировали.

Наконец, на региональных выборах 2021 г. был зафиксирован самый низкий уровень электоральной и общей волатильности за весь электоральный цикл – 1,54 % – в Чечне. Близкие по уровню значения индексов были в Дагестане и Ингушетии. Наиболее высокими уровни электоральной и общей волатильности оказались в Камчатском крае (17,2 и 27,2 % соответственно), а межэлекторальной – в Омской области (14,9 %), где совмещение региональных и думских выборов сослужило дурную службу КПрФ. Активная кампания с призывом голосовать за КПрФ как № 1 в федеральном избирательном бюллетене обернулась заметной потерей голосов на выборах в законодательное собрание этой области (а также Алтайского края и Амурской области), где первую строку бюллетеня заняли не участвовавшие в прошлых областных выборах «Коммунисты России».

Таким образом, к концу электорального цикла показатели волатильности в регионах стабилизировались на уровне, превышающем общероссийский всего на 2–3 %. Очевидно, что совпадение сроков проведения федеральных и региональных выборов оказывает нивелирующее воздействие на значения уровней волатильности. Вместе с тем заметные колебания индексов волатильности на промежуточных выборах, резкие различия их значений между регионами служат не только весомым аргументом для выделения регионального сегмента российской партийной системы, но и в пользу признания специфики региональных партийных систем как самостоятельного объекта изучения.

Анализ результатов выборов в региональные парламенты 2017–2021 гг. дает основания для распределения всех регионов по четырем ранее выделенным группам. В категорию **высокостабильных** попадают преимущественно «электоральные султанаты»: Чечня, Тыва, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а также близкие к ним по характеристикам выборов Белгородская, Магаданская и Пензенская области, Ямало-Ненецкий АО. 40 регионов образуют самую обширную группу – **относительно стабильных**. Сюда входят самые разные регионы: 7 республик (Адыгея, Бурятия, Крым, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Якутия), 26 областей, 4 края (Алтайский, Краснодарский, Приморский, Ставропольский), Ненецкий и Чукотский округа, Еврейская АО. Еще 27 регионов попадают в зону **относительной нестабильности**: это 7 республик, 4 края, 14 областей, ХМАО и Санкт-Петербург. **Нестабильными** следует признать республики Коми и Марий Эл, Хабаровский край, Владимирскую, Ивановскую и Ульяновскую области, Севастополь.

Список литературы

1. *Голосов Г. В.* Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015 : сб. ст. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 668 с.
2. *Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических режимах» / под ред.: Ю. Г. Коргунока, Е. Ю. Мелешкиной, О. Б. Подвинцева и Я. Ю. Шашковой.* М. : РАН : РОССПЭН, 2012. 300 с.
3. *Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред.: Ю. Г. Коргунока, Н. А. Борисова, А. Е. Любарева, Г. М. Михалевой.* М. : КМК, 2015. С. 53–62.

4. Шашкова Я. Ю. Кадровые стратегии региональных отделений политических партий в условиях совмещенных выборов (на примере Алтайского края) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3 (52). С. 87–93.

5. Шашкова Я. Ю. Региональная партийная элита Западной Сибири: социально-экономический портрет. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. 198 с.

6. Шпагин С. А. Стабильность и динамика партийной системы в России: новые возможности для изучения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 2 (55). С. 70–77.

7. Шугаев А. А. Партийно-политические системы на региональном уровне: проблемы развития (на примере Саратовской и Самарской областей) // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 4 (17). С. 43–48.

8. Pedersen M. N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. 1979. Vol. 7, N 1. P. 1–26.

9. Powell E., Tucker J. A. Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results, and New Approaches // British Journal of Political Science. 2014. Vol. 44 (1). P. 123–147.

References

1. Golosov G.V. *Sravnitel'naja politologija i rossijskaja politika, 2010–2015* [Comparative political science and Russian politics, 2010-2015]. Collection of articles. Saint Petersburg, European University in Saint-Petersburg Publ., 2016, 688 p. (in Russian)

2. Korgunyuk Yu.G. et al. (eds.) *Partijnaya organizaciya i partijnaya konkurenciya v "edodemokraticeskikh rezhimakh"* [Party organization and party competition in "semi-democratic regimes"]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 300 p. (in Russian)

3. Korgunyuk Yu.G. et al. (eds.) *Partiinaya reforma i kontrreforma 2012-2014 godov: predposylki, predvaritelnye itogi, tendentsii* [Party reform and counter-reform of 2012-2014: prerequisites, preliminary results, trends]. Moscow, KMK Publ., 2015, 204 p. (in Russian)

4. Shashkova Ya.U. Kadrovye strategii regionalnykh otdelenij politicheskikh partij v usloviyah sovmeshchennykh vyborov (na primere Altajskogo kraja) [Personnel strategies of regional branches of political parties in the conditions of joint elections (using the example of the Altai Territory)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2017, no. 3 (52), pp. 87-93. (in Russian)

5. Shashkova Ya.U. *Regional'naya partijnaya elita Zapadnoj Sibiri: socialno-ekonomicheskij portret* [Regional party elite of Western Siberia: socio-economic portrait]. Barnaul, Altai State University Publ., 2018, 198 p. (in Russian)

6. Shpagin S.A. Stabilnost i dinamika partijnoj sistemy v Rossii: novye vozmozhnosti dlya izucheniya [Stability and dynamics of the party system in Russia: new opportunities for study]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2018, no. 2 (55), pp. 70-77. (in Russian)

7. Shugaev A.A. Partijno-politicheskie sistemy na regionalnom urovne: problemy razvitiya (na primere Saratovskoj i Samarskoj oblasti) [Party-political systems at the regional level: development problems (using the example of the Saratov and Samara regions)]. *Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby* [The Bulletin of the Volga Academy of Public Service], 2008, no. 4 (17), pp. 43-48. (in Russian)

8. Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*, 1979, vol. 7, no. 1, pp. 1-26.

9. Powell E., Tucker J.A. Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results, and New Approaches. *British Journal of Political Science*, 2014, vol. 44 (1), pp. 123-147.

Сведения об авторе

Шпагин Сергей Александрович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра политологии
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск,
просп. Ленина, 36
e-mail: shpagin1972@mail.ru
ORCID 0000-0002-9623-8608

Information about the author

Shpagin Sergei Alexandrovich
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Political Science
National Research Tomsk State University
36, Lenin ave., Tomsk, 634050,
Russian Federation
e-mail: shpagin@sibmail.com
ORCID 0000-0002-9623-8608